

Конкуренция цивилизационных моделей развития как фактор исторической динамики и поляризации мира

© Ю.Д. Гранин

Институт философии Российской академии наук, Москва, 109240, Россия

Исследована проблема исторической динамики и поляризации мира в контексте социальной эволюции человечества и цивилизационного анализа истории, который теоретически многообразен. Отмечено, что в данном анализе присутствуют две альтернативные стратегии исследований: универсалистская и партикулярная. Предложено рассмотреть процесс «цивилизации» стран и народов в контексте эволюции сообществ вида Homo sapiens и реализации более общей макроисторической тенденции — глобализации человечества. Показано, что в этом контексте «цивилизация» человечества предстает как инобытие («свое иное») его глобализации, реализуемое через многообразие региональных социокультурных форм воплощения этой общеисторической тенденции. Наиболее крупными и устойчивыми из этих форм совместной жизни людей оказываются цивилизации и создаваемые ими модели развития. Отмечено, что в геополитическом и геоэкономическом аспектах конкуренция цивилизаций за влияние, территории и сосредоточенные на них ресурсы аналогична движению «геологических плит» земной коры, перемещение которых определяет динамику всемирной истории, формируя сменяющие друг друга «полюса развития». Показано, что в настоящее время человечество от недолгого состояния доминирования евроатлантической (англо-саксонской) цивилизации во главе с США перешло к состоянию многополярного Мира. Это выразилось в реанимации цивилизационно-национального самосознания крупнейших региональных держав планеты, остро почувствовавших объективное ценностно-смысловое противостояние Западу в качестве особых стран-цивилизаций. Указано, что данные события стимулировали Россию к повороту от недружелюбного Запада на Юг и Восток. Подробно проанализированы различные варианты возможного развития дальнейших событий в контексте расширения НАТО и ирано-израильского конфликта.

Ключевые слова: варварство, глобализация, культура, цивилизация, государство-цивилизация, цивилизационные модели

Опережая последующий анализ, имеет смысл обратить внимание на теоретический дуализм современного отечественного научного цивилизационного дискурса, в составе которого явно и скрыто присутствуют две научно-исследовательские парадигмы и вырастающие из них стратегии исследований: универсалистская и партикулярная. И та, и другая основываются на субстанциально-деятельностной онтологии истории и связанном с ней понимании «цивилизации»

человечества как всемирно-исторического процесса. Различие состоит в интерпретации характера его осуществления.

При партикулярном понимании «цивилизации» («цивилизации») человечества этот процесс рассматривается в контексте социокультурной эволюции вида *Homo sapiens*: как *многолинейный процесс интеграции* человеческих объединений во все более численно крупные, структурно-функционально более сложные сообщества людей, самыми «креативными» из которых оказываются цивилизации [1]. Они также являются наиболее устойчивыми «историческими структурами» (Ф. Бродель), «герметичность» которых обеспечивается присущей каждой цивилизации «доминантной культурой». «Культура, — отмечает А.А. Гуссейнов, — словно панцирь, придает каждой из цивилизаций герметичность, позволяющую, даже принуждающую сознавать себя как единственную, не как одну из многих (или нескольких), а именно единственную» [2]. В пределах такого понимания всемирная история мыслится как «всегда-иначе» реализуемая в разных регионах планеты *нелинейная последовательность состояний развития* (первобытность — варварство — цивилизация), а начиная с периодов «неолитической» и «городской» революций (Г. Чайлд) — как конкуренция цивилизаций за влияние, территории и сосредоточенные на них ресурсы, продолжающаяся до сего дня. Таким образом, не отрицая, но вынося за скобки целостность исторического процесса, акцентируется внимание на многообразии и географическом локализме его осуществления в форме отдельных цивилизаций, социокультурное разнообразие которых препятствует объединению населения Земли в «глобальное сообщество открытых друг другу наций» [3–6].

В свою очередь, универсалистская парадигма обращает внимание на наличие общечеловеческого — инвариантного — в содержании антропоистории, интерпретируя глобальную тенденцию цивилизации вида *Homo sapiens* как кумулятивный процесс формирования и распространения во все увеличивавшихся масштабах общеисторических (универсальных) форм или институтов развития, противостоящих варварству как «своему иному» цивилизации. В качестве таких институтов исследователи, как правило, выделяют частную собственность, рынок, право, демократию и автономию личности [7–9]. А варварство интерпретируется не как исторический феномен, предшествующий появлению первых цивилизаций и долгое время сосуществующий вместе с цивилизованными формами совместной жизни людей, а как постоянно воспроизводящееся *внутреннее противоречие самого процесса «цивилизации»* человечества, так и не сумевшего избавиться от насилия, войн и жестокости. Теоретически избавиться от этого «внутрицивилизационного» противоречия, писал В.М. Межуев, «можно только одним путем: истолковав цивилизацию

не как эмпирически фиксируемое множество разных цивилизаций, а как *процесс становления общей, единой для всего человечества и, следовательно, универсальной цивилизации*. По отношению к ней все существующие на данный момент цивилизации, включая западную, предстают как ее подготовительные фазы или ступени» [10].

Конечно, можно пойти иными путями: исключив варварство как регулярно воспроизводящийся феномен из состава процесса цивилизации, истолковав последний в партикуляристском ключе. Но это означало бы измену парадигме универсализма, которая, как уже отмечалось, по социально-философским основаниям равномошна стратегии партикуляризма. И, тем не менее, последняя предпочтительней как минимум по двум причинам.

Во-первых, в отличие от универсалистской интерпретации процесса цивилизации, разрабатываемой преимущественно социальными философами, концепция множественности цивилизаций не игнорирует результаты исторической социологии, социальной и культурной антропологии и этнологии, на основе которых теперь формируется теория социальной эволюции человечества. А опирается на них как на эмпирический базис для создания эволюционной междисциплинарной концепции «цивилизации» и «цивилизаций», где каждое цивилизационное образование воплощает одну из ряда реализованных и возможных линий развития человечества. Такой подход, как будет показано, не исключает, но ставит под сомнение формирование универсальной (всемирной) цивилизации.

Во-вторых, постулаты универсалистов о выработке в ходе цивилизации некоторых универсальных (пригодных для всего человечества) политико-правовых, экономических и иных форм развития обходят вниманием тот исторический факт, что эти формы первоначально были выработаны греко-римской цивилизацией, потом «возрождены» (эпоха Возрождения), доработаны и развиты в государствах Западной Европы XVI–XVIII столетий, а затем были навязаны другим народам в процессе колонизаций и завоеваний, перекочевав в другие страны и на другие континенты. Так можно ли в этом случае считать их «обладающими всечеловеческим содержанием»? По этому вопросу нет единого мнения [11].

Всеобщее (общечеловеческое) в антропоистории действительно существует и реализуется через исторически особенное. Но надо учитывать, что в конкретно-исторических формах осуществления и со временем его содержание изменяется. В настоящее время, например, выделенные сторонниками универсалистской парадигмы общечеловеческие институты и механизмы, будучи использованы в обществах и государствах разной цивилизационной принадлежности, претерпевают удивительные метаморфозы, меняя свое содержание

и функционал вплоть до противоположных значений. Это было замечено во второй половине XX столетия, когда образованные в результате деколонизации новые государства Азии, Африки и Латинской Америки попытались «модернизироваться». Результаты оказались хуже ожидаемых, что в конечном счете привело к краху популярной в те годы теории модернизации. А сегодня этот эффект «переплетенных модерностей» наблюдается почти повсеместно. Например, сохраняя формальные признаки, современные демократии в США, России, Китае или, допустим, в Ираке содержательно различны, что позволяет многим западным специалистам, абсолютизируя эти различия и квалифицируя в качестве образца собственные модели политического народовластия, исключать из состава демократических государств Россию, Китай, десятки других стран. Кроме того, следует иметь в виду, что наблюдаемые в большинстве стран мира общечеловеческие формы «цивилизации» в качестве таковых установлены ретроспективно — в отношении к уже свершившемуся прошлому. *Однако они, как и все «прошрое» в целом, не могут быть безоговорочно экстраполированы в будущее, которое известно лишь предположительно.*

Исходя из принципа естественно-исторического конструктивизма, можно признать: историческое будущее всех без исключения обществ осознанно (хотя и в разной мере) и в значительной степени рационально строится людьми с точки зрения их представлений о должном состоянии локального и всемирного общежития. «Но последствия этих коллективных деяний (в силу невозможности “знать” весь объем социальных, перманентно изменяющихся связей и, тем более, — “волений”, составляющих общество индивидов, принимающих решения во многом спонтанно и интуитивно) оказываются совсем не теми, на которые рассчитывали многие “строители” будущего (“справедливого”, “свободного”, “демократического”, “бесклассового” — далее по списку) сообщества. Из этого следует, что *ни один крупный социальный проект так и не был реализован в том виде, в каком был задуман*: на выходе получалось не то, что замысливалось. А часто даже “совсем не то”, когда речь шла о проектах грядущего справедливого мироустройства для всех населяющих Землю народов» [12, с. 135, 136]. Так что наступление эры цивилизации для человечества, в качестве механизмов становления которой необходимы, как пишет А.С. Никольский, *«разделение властей, верховенство закона, демократии, рынка, политический и идейный плюрализм, признание ценности изначальных прав и свобод каждого человека и т. д.»* [9, с. 152], совсем не предопределено. Несмотря на необычайно выросший масштаб коммуникаций и деятельности международных организаций, *человечество продолжает оставаться экономически, политически, культурно и, шире, цивилизационно разделенным,*

а перечисленные выше механизмы и институты его «цивилизации» на деле оказываются очередной версией «вестернизации» мира: экстраполяцией характеристик евроатлантической цивилизационной модели развития на все человечество.

Далее этот момент будет рассмотрен более подробно. А сейчас предложим несколько иной поворот обсуждаемой темы, рассмотрев процесс «цивилизации» стран и народов в контексте реализации более общей макроисторической тенденции: глобализации человечества. В этом контексте становление всемирной (глобальной) цивилизации не исключается, но оказывается в пространстве утопии с неопределенным будущим. А «цивилизация» человечества предстает как инобытие («свое иное») его глобализации, реализуемое через многообразие региональных форм воплощения этой общеисторической тенденции, по причинам, указанным далее.

Глобализация человечества. Как большинство категорий социальных наук, термин «глобализация» не имеет общепринятой трактовки, хотя применяется почти ко всем базовым аспектам человеческой жизнедеятельности: экономике, политике, культуре и т. д. В данном случае имеется в виду глобализация *человечества*, понимаемого как *исторически изменяемая совокупность когда-либо живших и ныне живущих индивидов биологической популяции определенного вида — Homo sapiens*, которая посредством создания надбиологических программ жизнедеятельности (культуры) трансформировала свое бытие в многообразие социокультурных форм совместной жизнедеятельности в ходе социальной эволюции и в процессе своего распространения по планете, т. е. глобализации. Но это лишь одно из многих значений данного термина, меняющего свое содержание в зависимости от дисциплинарной принадлежности использующих его исследователей. По мнению автора настоящей статьи, избавиться от этого семантического плюрализма можно лишь одним способом: использовать понятие глобализации в качестве метадисциплинарной аналитической категории, синтезирующей оба значения термина «глобальный»: восходящего к латинскому *globus* (планетарный) и французскому *global* (всеобщий, всемирный). В этом контексте глобализацию человечества перспективно интерпретировать не только как исторически обусловленное географическое распространение людей и их сообществ, созданных ими экономических и политических моделей совместной жизни, идей, артефактов, символов и информации в пределах и за пределы регионов и континентов [13], но и как берущую начало в глубокой древности и незавершенную по сей день *мегатенденцию к становлению и последующему объединению сообществ людей в глобальную (планетарную) общность*, воплощенную в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных целостностей.

Такое понимание ориентирует на изучение глобализации в связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрений и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе миграций, торговых, финансово-экономических, военно-политических и духовно-культурных взаимодействий разнообразным трансформациям и поглощениям, в ходе которых образуются новые, численно и пространственно более крупные социальные, политические и социокультурные антропосоциальные целостности: объективно и субъективно-символически интегрированные в «социумы» (роды, племена, союзы племен, этносы, нации) и «цивилизации» объединения индивидов. Известная история — нелинейный процесс обуславливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных общностей, его структурного усложнения и одновременно становления целостности и единства.

Этот процесс, его этапы и исторические формы осуществления был подробно проанализированы автором настоящей статьи в нескольких монографиях, а здесь имеет смысл обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, на то, что географическая глобализация человечества на протяжении тысячелетий сопровождалась его социальной эволюцией: процессами интегрирования составляющих человечество индивидов во все более сложные и крупные человеческие ассоциации. Это интегрирование имело многолинейный характер, но в целом характеризовалось как «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» [14, с. 6].

Понимание антропоистории как нелинейного и многовекторного *процесса* социального интегрирования (и сопутствующего ему дифференцирования) *не исключает*, разумеется, возможности выстраивания некоторой результирующей «генеральной линии» совокупного общественного прогресса и *использование методологии, ориентированной на поиск и анализ структурных компонентов и состояний исторически изменяемых человеческих сообществ как самоорганизующихся больших и малых коллективов*. Такая методология может быть названа методологией структур и состояний. В 1939 г. она получила воплощение в работе Норберта Элиаса «О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования», показавшего тесную взаимозависимость процессов прогрессирующей интеграции и прогрессирующей дифференциации социальных структур с такими же процессами в психике высшего слоя мирян периода позднего средневековья стран Запада. Теперь именно она активно используется в исторической социологии и психологии, исторической, политической и культурной антропологии. О чем, помимо трудов зарубежных

исследователей, свидетельствуют работы О.Ю. Артемовой, Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринина, А. Коротаева, Н.Н. Крадина, Н.С. Розова, Е.А. Шинакова и некоторых других отечественных авторов. Многие из них относят себя к направлению, именуемому теорией социальной эволюции. Но их работы также можно квалифицировать как выполненные в рамках социогенетического подхода к анализу антропоистории, в пределах которого история человечества понимается как его поступательное движение вверх по лестнице социальной эволюции: от состояния первобытности (дикости) через состояние варварства к состоянию цивилизации (иначе — цивилизованности). Каждое из этих состояний характеризуется особыми общественными (т. е. политическими, социальными, экономическими, культурными, ментальными и иными) порядками жизни сообществ людей. Данные общественные порядки организации и развития экономической, политической, социальной и иных сфер жизни человеческих сообществ взаимно обуславливают друг друга. При этом, как полагают многие специалисты, ведущая роль принадлежит культурным (и соответствующим им ментальным) порядкам как основным средствам трансляции социального опыта.

Эти эмпирически подтвержденные теоретические положения социогенетики, лежащие в основании различий варварских и цивилизованных сообществ, безусловно, надо учитывать философам, берущимся обсуждать проблему соотношения варварства и цивилизации в современной России и других странах. Это обсуждение будет продуктивным, если учтено одно принципиальное обстоятельство: историческая изменчивость самого варварского мира (Барбарикума), меняющего свои характеристики по мере расширения контактов с «миром цивилизаций». В этом случае наблюдается сложная конвергенция этих миров, особенно зримо проявляющаяся в ситуации пограничья. Наиболее «ярко этот процесс, — отмечает руководитель лаборатории по исследованию цивилизации и варварства ИВИ РАН В.П. Буданова, — раскрывает история Великого переселения (II–VII вв.), когда консолидированное пространство этнических варваров стало для цивилизации не только “зоной опасности”, но впервые в истории, как казалось, “меткой” простых решений. Ибо это были уже не просто “варвары”, а “варвары” *repe consimiles*, “почти похожие” на представителей цивилизованной части Ойкумены. *Варварский компонент проявился как индикатор кризиса и начала становления новой цивилизации*» [15, с. 15]. И каждая такая цивилизация, резюмирует автор, формирует свою концепцию варвара и свои «варварские стереотипы», исходя из конкретно-исторических, политических и идеологических обстоятельств, мировоззренческих, философских, литературных и эмоциональных предпочтений пишущих и читающих [15, с. 10]. Таким образом, провести четкие географические и временные границы

между периодами варварства и цивилизации в истории человечества можно весьма условно и в сугубо аналитических целях.

Во-вторых, любая большая страна до сих пор сохраняет в своем составе фрагменты архаики. Это то, что можно назвать присутствием прошлого в настоящем. В частности, так называемые военная демократия, советы старейшин, кровная месть, дарообмен и т. д. — наиболее распространенные формы управления и регуляции социальных отношений в варварских племенах и союзах племен древности — продолжают существовать в современных, живущих в труднодоступных местах этнических сообществах, организованных по принципу родовой и клановой принадлежности. Их можно именовать анклавами варварства в цивилизованной среде. Но порождением цивилизации они не являются. А потому рассуждать о современном варварстве как инициированном современной цивилизацией имеет смысл, лишь беря слово «варварство» в научные кавычки. Иначе термин теряет статус аналитической категории, превращаясь в межнаучную метафору, сфера применимости которой быстро расширяется. В значительной мере это связано с нехваткой новых категорий для анализа усложняющейся социальной действительности. В данном контексте перспективно вести исследование в более широком теоретическом диапазоне: изучать масштабы распространения, условия и меру воспроизводства исторического прошлого в государствах модерна [16].

В-третьих, выстраивая любые периодизации истории, не следует забывать об их относительности: все они покоятся на предпосланных им основаниях и в конечном счете реализуют прогрессистскую и линейную версии истории человечества. Между тем, подобно природной, социальная эволюция человечества — нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического действия: индивидов, государств и цивилизаций. Цивилизации продуктивно интерпретировать *в качестве больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей), которые, обладая сложной многокомпонентной структурой, в пространстве планетарной истории реализуют разные культурно-исторические типы развития, воплощали и воплощают потенциал разных возможностей и путей эволюции человечества в прошлом и обозримом будущем* [1].

Соответственно с появлением крупных цивилизаций, наилучшей политической формой существования, развития и экспансии которых была империя, история человечества обретает качество глобальности (всемирности), оказываясь *результатирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития*. Эскизно этот процесс можно представить следующим образом.

Конкуренция цивилизационных моделей развития. Предыстория глобализации человечества уходит в глубокое прошлое. Выделение человека из природы и его победа в конкурентной борьбе с животными и гоминидами были обусловлены не только изменением способов производства материальных благ, но и трансформацией духовно-практических форм производства и организации социальной жизни, первоначально связанных, по-видимому, с нерефлексивным осознанием базовой потребности в общении и сосуществовании вместе с другими людьми, в развитии отношений родства (семьи), кооперации и солидарности, осуществляемым на основе закрепленных устной коллективной памятью категорий очевидности [17]. Так на заре человечества формировалось общее социальное пространство совместной жизни людей в составе первых человеческих обществ (социумов), целостность которых обеспечивалась общими для них экономическими, культурными, ментальными и иными порядками совместной жизни. Они взаимно обуславливали друга, но в эпоху первобытности еще не были институционализированы внеродовыми (территориальными) формами властвования.

Например, эволюция общественных порядков от состояния первобытности к варварству шла по линии: семья — семейная группа (сосредоточивающаяся в стойбища или деревни) — род — племя — этнос. Эти сообщества характеризовались разными политическими порядками организации совместной жизни: сообщества без постоянного лидерства — сообщество с бигменом — вождество (чифдом) — сложное вождество (сложный чифдом), иначе — протогосударство [18, 19]. Экономическое и социальное неравенство, разрушившее ритуалы солидарности и взаимопомощи, появляется при переходе первобытных сообществ в состояние варварства, а затем — в состояние цивилизации (цивилизованности). Для этого состояния характерно наличие *общественных институтов, обеспечивающих воспроизводство и трансляцию общих норм и ценностей* — регуляторов порядков совместной жизни. Самыми важными из них становятся корпорации, организованные по профессиональной принадлежности (жреческие, ремесленные, торговые, военные и др.), системы образования (школы) и, разумеется, государства как главные факторы появления письменного права и обособившихся видов духовно-практической деятельности: первых философий, наук и искусств.

Так, примерно 5–6 тыс. лет назад в плодородных долинах Нила, Тигра, Ефрата, Инда и Хуанхэ появляются первые «острова» цивилизации, окруженные «морем» варварства, которые затем превратились в «материки» цивилизованных форм жизни. Этот процесс был связан с расширением поля контактов между лингвистически и культурно разными социумами, появлением городов и государственных форм жизни, становлением и развитием письменности, универсальных

(логических) форм и категорий мышления, абстрагирующая сила которых, вместе с продуктивной способностью воображения, расширяла горизонты сознания и *глобализировала сферу представлений о взаимосвязях людей с окружающим Миром*, помещая их в сферический пространственно-временной континуум совместной с Богами жизни. Так, поверх всех локальных социокультурных различий в теогониях и мифопоэтических традициях *выстраивалась символическая связь времен, формировалась идея происхождения изначально единого человечества*, которая затем, в так называемое Осевое время Евразии (между 800-ми и 200-ми годами до н. э.), обрела широкое распространение, оригинально трансформировавшись в различных религиозных и философских учениях, заложивших основы последующих мировых культур, религий и цивилизаций.

«В Китае, — пишет К. Ясперс, — жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии — в Индии, как и в Китае, — были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исая, Иеремия и Второисая; в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга» [20]. Помимо появления личностного (экзистирующего) начала в рефлектирующем человеке, подобном современному, то новое, что возникло в эту эпоху, было связано с зарождением идеи глобальности мира, единства человечества и личной ответственности индивида за существование и сохранение анонимного мира-бытия. Впоследствии эта идея была подхвачена и своеобразно развита сначала христианством, а затем исламом. Параллельно и вместе с развитием философских и религиозных представлений, глобализирующих мир и человечество, шел интеллектуальный поиск политических и правовых форм совместной жизни. Но этот поиск осуществлялся в условиях жесточайшей антропосоциальной конкуренции.

Начиная с Неолитической революции, вся известная история вида *Homo sapiens* — это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство: территории проживания и сосредоточенные на этих территориях, в том числе человеческие, ресурсы. Удержат данные ресурсы достаточно долго пришельцы и победители могли, лишь организовав *общее*

экономическое и политическое *пространство совместной жизни* для населяющих эти территории людей *путем выработки универсальных (для них) норм общежития*. Так возникали сначала ранние государства и их аналоги, а позже — этнические и многоэтнические имперские государства, проводившие политику ассимиляции и интеграции лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые *относительно гомогенные социальные целостности*: цивилизации, стремящиеся распространиться до пределов известной им Ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение имело характер военных и колониальных экспансий, следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни. Неизбежное в таких случаях столкновение культур сопровождалось различного рода заимствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми «метрополиями» аккультурациями, «символическим насилием», вызывавшими сопротивление лингвистически и культурно разного иноверного населения покоренных и колонизируемых территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус мировых ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрения, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным, идею человечества и его антропобиологического единства — субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение человечества в глобальную целостность — философски и политически фундированным проектом. Данный проект, если начинать отсчет с трактата И. Канта, получил множество авторских воплощений, но до сих пор пребывает в статусе утопии с неопределенным будущим.

В рамках настоящей статьи нет возможности более подробно разобрать данный вопрос, поэтому обратим внимание на главное: естественно-исторический характер диалектики глобализации и цивилизации человечества, в лоне которой к настоящему времени современное (и совсем не лучшее) состояние человечества стало resultирующим итогом *многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития*. В данном случае под цивилизационными моделями развития понимаются формы и институты политического,

экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.

Наличие и распространение цивилизационных моделей развития, повторим, оказывалось важным фактором мировой динамики, формируя попеременно меняющиеся «центры» общеисторического прогресса: места военного, социально-экономического и культурного доминирования в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев была империя — универсальное государство (А. Тойнби), оказывавшееся, в зависимости от его типа, более или менее успешным политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, параллельно и сменяя друг друга в качестве лидеров, на просторах Евразии формировались и развивались китайская, индийская, персидская, греко-римская, арабо-мусульманская, западноевропейская и выросшая из нее евроатлантическая цивилизации, формирующие соответствующие им «миры» и «полюсы» регионального и межрегионального развития, каждый из которых обладал большим или меньшим объединительным потенциалом.

Учет последнего обстоятельства имеет принципиальное значение. Подчеркивающее ограниченность западоцентричных интерпретаций и периодизаций истории, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм цивилизации человечества лишь к одной — евроатлантической — модели его интеграции во всечеловеческую целостность — всемирную цивилизацию. Интерпретация цивилизации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX — середины XX столетия. Но в длительной исторической ретроспективе и перспективе такой подход нельзя признать единственно возможным. По справедливому замечанию А.Г. Франка, перемещение «центра мира» — колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии» [21, р. 1]. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что начиная с XII в. н. э. и вплоть до середины (или конца) XVIII столетия центром торгового, экономического и даже индустриального прогресса (до XVI в.) была Азия, крупнейшие империи которой значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния [21, pp. 123–127]. Уже в XI в. уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок,

быстро росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV в. в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII столетия. Это была относительно развитая рыночная экономика, формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионников.

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Начиная с XVI в. глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй центральной и юго-восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. И с тех пор, невзирая на упорное сопротивление возглавляемого османами «исламского мира», последующие четыре столетия «цивилизация» человечества шла вместе с колониализмом национальных государств Западной Европы, а позже США, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке, навязав народам этих континентов евроатлантическую модель развития. Она теперь признана доминирующей и безальтернативной. Но можно ли безоговорочно утверждать, что будущее человечества связано с неизбежной вестернизацией стран мировой «периферии» и «полупериферии», результатом которой будет всемирная цивилизация? По мнению автора настоящей статьи, нет. В геополитическом и геоэкономическом аспектах конкуренция цивилизаций за влияние, территории и сосредоточенные на них ресурсы аналогична движению геологических плит земной коры, перемещение которых определяет динамику всемирной истории, формируя сменяющие друг друга «полюса развития». В течение ушедшего тысячелетия они менялись неоднократно, постепенно смещаясь из Азии в Европу. В настоящее время человечество от недолгого состояния доминирования евроатлантической (англо-саксонской) цивилизации во главе с США вновь вернулось к состоянию многополярного Мира. Это выразилось в реанимации цивилизационно-национального самосознания крупнейших региональных держав планеты, остро почувствовавших объективное ценностно-смысловое противостояние Западу в качестве особых стран-цивилизаций, вынужденных осуществлять политику догоняющего развития без утраты своей цивилизационной идентичности.

Это противостояние особенно усилилось после попыток США сдержать развитие новых мировых центров, объявления в 2020 г. Штатами «холодной войны» Китаю, что естественным образом сблизило его с Россией и повысило шансы на реализацию другого макро-регионального проекта: создания треугольника «Россия — Индия —

Китай» как тактического дипломатического альянса трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. В качестве дипломатических коалиций альянсы не раз подтверждали свою эффективность в условиях несовпадения многих национальных интересов суверенных государств. Не будем забывать: хотя Китай и Индия не имеют в гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад, ища краткосрочные и долговременные выгоды для самих себя в условиях набирающей темп поляризации мира.

Современная поляризация мира. Эти выгоды довольно очевидны в условиях стабильного мирового порядка. Но после начала СВО хаотизация и нестабильность мирового порядка усилились, а коллективизация Запада и развязанная им тотальная гибридная война против России для многих отечественных аналитиков и политических деятелей оказались неожиданными. Потребовалось больше года широкомасштабных военных действий на Украине, чтобы они были осознаны как очередная реинкарнация многовековой, массовой англо-саксонской и романо-германской русофобии. За нарастающими поставками вооружений, экономическими, политическими, научно-техническими и другими санкциями против России *отчетливо проступил конфликт «евроатлантической» и «российской» цивилизаций* — сегодняшних геоэкономических, геокультурных и геополитических воплощений многомиллионных сообществ с разными представлениями о порядках совместной жизни народов и разным ценностно-смысловым каркасом, определяющим видение справедливого мироустройства. В настоящее время Запад репрезентирует собой совокупность государств евроатлантики, связанных не только военными, политическими и экономическими обязательствами и конкретными связями, но и системой культурных смыслов, ценностей и норм совместной жизни, оцениваемыми в качестве наилучших для всего человечества, т. е. представляет собой «евроатлантическую цивилизацию», политико-экономическим ядром которой являются современные США.

Соединенные штаты Америки, несмотря на «миролюбивые» заявления президента Трампа, на деле продолжают прокси войну против России и Китая. Об этом свидетельствует июньская агрессия Израиля против Ирана, поддержанная США поставками Израилю от 100 до 150 новейших американских ракет-перехватчиков THAAD для защиты от атак со стороны Ирана и бомбардировками иранских ядерных объектов. Этот конфликт завершился хрупким перемирием. Но почти две недели вооруженного противостояния Тегерана и Тель-Авива подтвердили разноречивость политики партнеров по БРИКС: Индия, которая в последние месяцы очевидно дрейфовала

в сторону США, поддержала Израиль, тогда как Россия, Китай и Пакистан поддерживали Тегеран. И не случайно. Китай уже давно является «сюзереном» Ирана и Пакистана, вкладывая значительные средства в эти страны. Еще в 2021 г. Иран и Китай подписали стратегическое соглашение на сумму порядка 400 млрд долл. в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В рамках этой инициативы из Сианя в Иран был проложен железнодорожный маршрут, благодаря которому товары из Китая теперь идут в Иран напрямую по суше, в обход всех зон влияния США, военных баз и санкционного контроля. В связи с этим Иран не просто получает поставки, а становится ключевым транзитным узлом, соединяющим Китай с Россией в рамках международного транспортного коридора «Север — Юг» (через Каспий), а также с Ираком, Сирией, Турцией и другими странами Средиземноморья. Кроме того, сухопутный маршрут ослабляет монополию морской торговли через Ормузский пролив или Суэцкий канал, контролируемые американскими и проамериканскими структурами. Таким образом, Иран постепенно вырывается из логистической изоляции, становясь связующим звеном между Китаем, Россией, Индией и Ближним Востоком.

В свете этой реальной интеграции Ирана в трансазиатскую логику при активном участии Китая и России становятся понятными главные причины нападения Израиля и США. Нанесение ущерба ядерному потенциалу Ирана было важной, но не основной целью этой тщательно подготовленной совместной операции. Главной целью было свержение правящей элиты (КСИР) этой страны и замена ее американскими ставленниками, которые сразу разорвали бы подписанные прежним правительством договоры с Россией и Китаем, ослабив тем самым этих главных соперников США. Пока это не получилось. Однако у НАТО далеко идущие планы: теперь, помимо объявления России главным противником в Европе, оно намеревается включить в сферу своей ответственности весь евразийский континент.

В Евразии у России немало союзников и партнеров, но не все они готовы оказать России всеобъемлющую и бескорыстную помощь. В ходе российско-украинского конфликта Китай, например, оказал очень сдержанную поддержку. Пекин, разумеется, не оставил Москву в изоляции, но его помощь была основана на выгодных (для него) коммерческих условиях. Поэтому от политики гибких дипломатических альянсов и экономических союзов России необходимо переходить к политике комплексного стратегического партнерства с отдельными дружественными странами. Первый шаг на этом пути был сделан 19 июня 2024 г., когда между Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Российской Федерацией был подписан Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. В соответствии с договором, КНДР сразу оказала военную и иную помощь всеми

имеющимися в ее распоряжении средствами. Она помогала и до этого: в самые тяжелые моменты спецоперации, вспоминал Захар Прилепин, Северная Корея поставила неисчислимое количество боеприпасов. Когда Россия развернула военные производства, то КНДР перебросила на территорию России, в Курскую область, 95 батальонов пехоты. Причем в бой были отправлены элитные соединения, блестяще проявившие себя на полях сражений. А сейчас для восстановления и разминирования в Курскую область отправлены 5 тыс. военных строителей и еще 1 тыс. саперов.

Аналогичный договор с Исламской Республикой Иран президент России подписал еще в апреле 2025 г. Но парламент республики ратифицировал его только после начала израильской агрессии, что лишний раз свидетельствует о разногласиях внутри политического класса Ирана, на раскол которого рассчитывал Израиль. Поэтому помощь России Ирану ограничилась преимущественно дипломатической поддержкой. Но договор является действительно всеобъемлющим, охватывающим все сферы сотрудничества: борьбу с терроризмом, обмен разведанными, оборону, энергетику, транспорт, финансы, промышленность, сельское хозяйство, технологии, науку и культуру. Учитывая стремление НАТО к расширению на Восток (Южная Корея, Япония и др. страны), а также согласие ее членов на увеличение к 2030–2035 гг. своих военных расходов до 5 % ВВП, практика подписания всеобъемлющих двусторонних договоров России о стратегическом партнерстве должна быть дополнена созданием межрегиональной международной организации безопасности в Евразии (подобной Организации Договора о коллективной безопасности), куда могут войти дружественные России государства, включая Китай. К этому также подталкивает все более очевидное стремление Европейского союза обзавестись собственным военно-промышленным комплексом и своими вооруженными силами. В этом контексте даже завершение СВО на условиях России не гарантирует ей безопасного будущего: если даже потерявшая часть территорий «новая Украина» окажется вне НАТО, ее почти стопроцентно примут в Евросоюз. А он из экономико-политической организации превращается в военный блок: русофобскую организацию, которая, по справедливому наблюдению заместителя Секретаря Совбеза РФ Дмитрия Медведева, «мечтает о реванше, направленном против России» [22]. И не только мечтает, но и действует, создав в феврале 2024 г. под руководством Великобритании и Латвии Международную «коалицию дронов» (передовых образцов БПЛА, средств радиоэлектронного подавления и радиоэлектронной борьбы). Теперь в коалицию входят 20 стран: Латвия, Литва, Эстония, Украина, Польша, Чехия, Британия, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Дания, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Турция, Швеция, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

В 2024 г. члены коалиции оказали Украине поддержку на сумму 1,8 млрд евро, а в 2025 г. пообещали выделить еще 2,75 млрд, доводя ежегодное производство БПЛА до нескольких миллионов штук.

В контексте этих обстоятельств Россия вынуждена осуществлять сложное геополитическое лавирование в бурлящем многополярном мире, ища союзников и партнеров в ближнем и дальнем зарубежье. Перспективы на этом пути лежат в плоскости не только перевода союзнических отношений с Китаем и Индией из состояния «де факто» в состояние «де юре» (плоскость юридически обязывающих союзных договоров), но и в направлении выстраивания партнерских отношений с Мировым большинством — глобальным Югом (путем расширения БРИКС и ШОС, создания новых институтов сотрудничества). «В тех случаях, — отмечают специалисты, — где интересы совпадают, необходимы взаимодействие и ситуативные союзы; там, где они расходятся или даже сталкиваются, противоречиями необходимо управлять. Для ряда стран Мирового большинства мы можем быть источником решения их проблем, скажем, служить гарантом продовольственной, энергетической, информационной, военной и иных видов безопасности» [23, с. 27]. Но это возможно лишь при условии развития промышленного, научного и культурного потенциала страны, которое наступит после безусловной военной победы России над Украиной. Для этого надо использовать все новейшие средства уничтожения военной, энергетической и транспортной инфраструктуры противника. В конце концов, у России всего лишь два настоящих союзника — ее армия и военно-морской флот.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гранин Ю.Д. Цивилизация и цивилизационная эволюция России. *Вопросы философии*, 2020, № 12, с. 34–44.
- [2] Гусейнов А.А. О человечестве и человечности. *Ведомости прикладной этики*, 2016, № 49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-chelovechestve-i-chelovechnosti> (дата обращения 31.10.2025).
- [3] Толстоухов А.В. Глобальный социальный контекст и контуры экобудущего. *Вопросы философии*, 2003, № 8, с. 49–63.
- [4] Лапин Н.И. Своеобразие культур цивилизаций — достояние и ресурс каждого человека и всего. *Вопросы философии*, 2020, № 10, с. 5–16.
- [5] Гранин Ю.Д. «Цивилизации» — «реальные», «воображаемые» или «конструируемые» сообщества? *Вопросы философии*, 2024, № 2, с. 14–24.
- [6] Ильинская С.Г. «Цивилизация» как локально-дискретный феномен: ключевые этапы теоретического осмысления и приращения понятия. В кн.: А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский, ред., сост. *Цивилизация: контрпункты теории*. Москва, Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 2024, с. 213–241.
- [7] Алексеев С.С. *Восхождение к праву. Поиски и решения*. Москва, Норма, 2001, 752 с.

- [8] Мотрошилова Н.В. *Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов*. Москва, Канон+, 2010, 480 с.
- [9] Никольский С.А. О цивилизации, общечеловеческом и всечеловеческом. В кн.: А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский, ред., сост. *Цивилизация: контрпункты теории*. Москва, Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 2024, с. 138–164.
- [10] Межуев В.М. Гуманизм и современная цивилизация. *Человек*, 2013, № 3, с. 5–16.
- [11] Смирнов А.В. *Всецеловеческое vs общечеловеческое*. Москва, Садра, Издательский Дом ЯСК, 2019, 216 с.
- [12] Гранин Ю.Д. О «проектном» и «естественно-историческом» характере цивилизационного развития. *Личность. Культура. Общество*, 2022, т. XXIV, № 3-4, с. 130–138.
- [13] Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. *Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура*. Москва, Праксис, 2004, 576 с.
- [14] Классен Х.Й.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. В кн.: Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша, ред. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва, Логос, 2000, с. 6–23.
- [15] Буданова В.П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций. В кн.: *Цивилизация и варварство. Трансформация понятий и региональный опыт*. Москва, ИВИ РАН, 2012, с. 10–46.
- [16] Гранин Ю.Д. *Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции*. Москва, Академический проект, 2021, 371 с.
- [17] Кармадонов О.А. Глобализация и символическая власть. *Вопросы философии*, 2005, № 5, с. 47–56.
- [18] Бондаренко Д.М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы). В кн.: Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша, ред. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва, Логос, 2000, с. 198–206.
- [19] Джонсон А., Эрл Т. *Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству*. Москва, Издательство Института Гайдара, 2017, 552 с.
- [20] Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. Москва, Политиздат, 1991, 527 с.
- [21] Frank A.G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, Los Angeles, 1998, 439 p.
- [22] Медведев обосновал опасность вступления Украины в ЕС перерождением блока. *Новости Mail.ru*. URL: <https://news.mail.ru/politics/66731500/> (дата обращения 31.10.2025).
- [23] Караганов С.А., Крамаренко А.М., Тренин Д.В. *Политика России в отношении стран Мирового большинства*. Москва, НИУ ВШЭ, 2023, 48 с.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гранин Ю.Д. Конкуренция цивилизационных моделей развития как фактор исторической динамики и поляризации мира. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 6. EDN JGTSJS

Гранин Юрий Дмитриевич — д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: maily-granin@mail.ru

Competition between Civilizational Models of Development as a Factor of Historical Dynamics and Global Polarization

© Yu.D. Granin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, 109240, Russia

The problem of global historical dynamics and polarization was investigated in the context of human social evolution civilizational analysis of history, which is theoretically diverse. Two alternative research strategies are noted to be present in this analysis: universalist and particularist. The process of countries and peoples “civilizing” in the context of the evolution of Homo sapiens communities and the realization of a more general macrohistorical trend — the globalization of humanity — was proposed to be considered. In this context humanity “civilizing” is shown to appear as an other-being (“its own other”) of globalization, being realized through a diversity of regional socio-cultural forms that embody this general historical tendency. The largest and most stable of these forms of human coexistence are civilizations and the development models created by them. It is noted that in geopolitical and geoeconomic terms, competition among civilizations for influence, territories and the resources concentrated within them is analogous to the movement of “geological plates” of the Earth crust, the displacement of which determines the dynamics of global history, forming successive “poles of development”. At present humanity is shown to have transitioned from a brief period of dominance by Euro-Atlantic (Anglo-Saxon) civilization, led by the United States, to a multipolar world. This has manifested itself in the revival of civilizational and national self-awareness among the world major regional powers, which have keenly felt an objective confrontation with the West in terms of values and meaning as distinct “civilizational countries”. These events are stated to have stimulated Russia to turn away from the unfriendly West towards the South and the East. Various possible scenarios for possible development of further events have been analyzed in detail in the context of NATO expansion and the Iranian–Israeli conflict.

Keywords: barbarism, globalization, culture, civilization, civilization-state, civilizational models

REFERENCES

- [1] Granin Yu.D. Tsivilizatsiya i tsivilizatsionnaya evolyutsiya Rossii [Civilization and civilizational evolution of Russia]. *Voprosy Filosofii*, 2020, no. 12, pp. 34–44.
- [2] Guseinov A.A. O chelovechestve i chelovechnosti [On humanity and humanness]. *Vedomosti prikladnoy etiki*, 2016, no. 49. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-chelovechestve-i-chelovechnosti> (accessed October 31, 2025).
- [3] Tolstoukhov A.V. Globalnyy sotsialnyy kontekst i kontury eko-buduschego [The global social context and contours of the eco-future]. *Voprosy Filosofii*, 2003, no. 8, pp. 49–63.
- [4] Lapin N.I. Svoeobrazie kultur tsivilizatsiy — dostoyaniye i resurs kazhdogo cheloveka i vsego [The originality of cultures of civilizations as the heritage and resource of every individual and humanity as a whole]. *Voprosy Filosofii*, 2020, no. 10, pp. 5–16.
- [5] Granin Yu.D. “Tsivilizatsii” — “realnye”, “voobrazhaemye” ili “konstruirovannyye” soobshchestva? [“Civilizations”: real, imagined, or constructed communities?]. *Voprosy Filosofii*, 2024, no. 2, pp. 14–24.

- [6] Il'inskaya S.G. "Tsivilizatsiya" kak lokalno-diskretnyy fenomen: klyuchevyye etapy teoreticheskogo osmysleniya i prirascheniya ponyatiya ["Civilization" as a locally discrete phenomenon: key stages of theoretical reflection and conceptual development]. In: Smirnov A.V., Kasavina N.A., Nikolskiy S.A. (eds.) *Tsivilizatsiya: kontrapunkty teorii* [Civilization: counterpoints of theory]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2024, pp. 213–241.
- [7] Alekseev S.S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to law: searches and solutions]. Moscow, Norma Publ., 2001, 752 p.
- [8] Motroshilova N.V. *Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu globalnykh krizisov* [Civilization and barbarism in the era of global crises]. Moscow, Kanon+ Publ., 2010, 480 p.
- [9] Nikolskiy S.A. O tsivilizatsii, obshchechelovecheskom i vsechelovecheskom [On civilization, the universal-human and the all-human]. In: Smirnov A.V., Kasavina N.A., Nikol'skiy S.A. (eds.) *Tsivilizatsiya: kontrapunkty teorii* [Civilization: counterpoints of theory]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2024, pp. 138–164.
- [10] Mezhuiev V.M. Gumanizm i sovremennaya tsivilizatsiya [Humanism and modern civilization]. *Chelovek*, 2013, no. 3, pp. 5–16.
- [11] Smirnov A.V. *Vsechelovecheskoye vs obshechelovecheskoye* [The all-human vs the universal-human]. Moscow, Sadra Publ.; YaSK Publ., 2019, 216 p.
- [12] Granin Yu.D. O "proyektnom" i "yestestvenno-istoricheskom" kharaktere tsivilizatsionnogo razvitiya [On the "project-based" and "natural-historical" character of civilizational development]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2022, vol. 24, no. 3–4, pp. 130–138.
- [13] Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. *Global Transformations: politics, Economics and Culture*. Cambridge, Polity Press, 1999 [In Russ.: Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. Globalnye transformatsii. Politika. Ekonomika. Kultura. Moscow, Praxis Publ., 2004, 576 p.].
- [14] Claessen H.J.M. Problemy, paradoksy i perspektivy evolyutsionizma [Problems, paradoxes, and prospects of evolutionism]. In: Kradin N.N., Korotayev A.V., Bondarenko D.M., Lynsha V.A. (eds.) *Alternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative pathways to civilization]. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 6–23.
- [15] Budanova V.P. Varvary i varvarstvo v antropologii tsivilizatsiy [Barbarians and barbarism in the anthropology of civilizations]. In: *Tsivilizatsiya i varvarstvo. Transformatsiya ponyatiy i regionalnyy opyt* [Civilization and barbarism: transformation of concepts and regional experience]. Moscow, IVI RAN Publ., 2012, pp. 10–46.
- [16] Granin Yu.D. *Gosudarstvo moderna. Natsionalnyy i sotsialnyy vektory evolyutsii* [The modern state: national and social vectors of evolution]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2021, 371 p.
- [17] Karmadonov O.A. Globalizatsiya i simvolicheskaya vlast' [Globalization and symbolic power]. *Voprosy Filosofii*, 2005, no. 5, pp. 47–56.
- [18] Bondarenko D.M. "Gomologicheskiye ryady" sotsialnoy evolyutsii i alternativy gosudarstvu v mirovoy istorii ["Homological series" of social evolution and alternatives to the state in world history]. In: Kradin N.N., Korotayev A.V., Bondarenko D.M., Lynsha V.A. (eds.) *Alternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative pathways to civilization]. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 198–206.
- [19] Johnson A., Earle T. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford, Stanford University Press, 2000 [In Russ.: Johnson A., Earle T. Evolyutsiya chelovecheskikh obschestv. Ot dobyvayushey obschiny k agrarnomu gosudarstvu. Moscow, Gaidar Institute Press, 2017, 552 p.].

- [20] Jaspers K. *The origin and goal of history*. New Haven, Yale University Press, 1953 [In Russ.: Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow, Politizdat, 1991, 527 p.].
- [21] Frank A.G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, Los Angeles, 1998, 439 p.
- [22] Medvedev obosnoval opasnost vstupleniya Ukrainy v ES pererozhdeniyem bloka [Medvedev substantiated the danger of Ukraine's accession to the EU due to the bloc's degeneration]. *Novosti Mail.ru*. Available at: <https://news.mail.ru/politics/66731500/> (accessed October 31, 2025).
- [23] Karaganov S.A., Kramarenko A.M., Trenin D.V. *Politika Rossii v otnoshenii stran mirovogo bolshinstva* [Russia's policy toward the countries of the global majority]. Moscow, HSE University, 2023, 48 p.

Granin Yu.D., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. e-mail: maily-granin@mail.ru